

ОРСОН
СКОТТ КАРД

КСЕНОЦИД
ДЕТИ РАЗУМА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
К 21

Orson Scott Card
Xenocide

Copyright © 1991 by Orson Scott Card
CHILDREN OF THE MIND

Copyright © 1996 by Orson Scott Card
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Barbara Bova Literary Agency (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского
Александра Жикаренцева, Анны Жемеровой

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке и фронтиспise
Виталия Еклериса

- © А. В. Жикаренцев, перевод, 2001
- © А. Г. Жемерова, перевод, 2001
- © В. В. Еклерис, иллюстрации, 2014
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17881-6

Ксеноцид

*С благодарностью за вольную жизнь,
прият и шалости по всей Америке —
Кларку и Кэтти Кидд посвящается*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА

Случайная встреча с Джеймсом Крайером в книжном магазине «Вторая Академия» в Чапел-Хилл, Северная Каролина, привела к тому, что в основу настоящей книги легла история Хань Цин-чжао и Хань Фэй-цзы. Узнав, что Джеймс Крайер переводит китайскую поэзию, я сразу попросил его помочь мне с выбором правдоподобных имен для некоторых китайских персонажей, характеры которых я в то время разрабатывал. Мое знание китайской культуры было по меньшей мере поверхностным, а этим персонажам суждено было сыграть в «Ксеноциде» если не главную, то очень значительную роль. Джеймс Крайер оказался одним из самых энергичных, очаровательных и щедрых людей, каких я когда-либо встречал. Он все рассказывал и рассказывал мне про Хань Цин-чжао и Хань Фэй-цзы, показывал мне их работы, описывал китайских исторических и литературных персонажей — вот тут-то я и начал осознавать, что да, это и есть та самая основа, которую я хотел заложить в эту книгу. Я многим ему обязан и очень сожалею, что не смог ничем отплатить.

Также я хочу выразить благодарность многим другим людям.

Джудит Раппорт — за ее книгу «Мальчик, который никак не мог перестать мыть руки», послужившую мне источником информации об описанном в романе маниакально-побудительном синдроме.

Моему литературному агенту Барбаре Бове, без которой этой книги просто не было бы и которая умудрилась продать ее в Англии еще до того, как я вообще помыслил о ее написании.

Моему издателю в Америке Тому Догерти, за необычайную веру и щедрость, за что, надеюсь, ему воздастся.

Джиму Френкелю, редактору, который очень мудро поступил, отвергнув в 1978 году первые наброски рукописи, когда я принес ее в «Дель Рей», и который намекнул мне, очень мягко, что я еще не готов к написанию столь сложного романа.

Моему издателю в Британии Энтони Читхэму, который с самого начала моей писательской карьеры непоколебимо верил в меня и терпеливо ждал появления этой книги куда дольше, чем каждый из нас рассчитывал.

Моему редактору Бет Мичем, ставшей моим другом, советником и защитником в процессе работы над этой и многими другими книгами.

Читателям, неустанно писавшим мне, требуя вернуться к саге об Эндере; их одобрение и поддержка очень помогли, пока я продирался сквозь дебри самого трудного из проектов, который мне когда-либо приходилось реализовывать.

Фреду Чэпелу, возглавившему семинар писателей, состоявшийся в Университете Северной Каролины, Гринборо, за то, что он любезно просмотрел первый набросок истории Цин-чжао и высказал свои замечания.

Стану Шмидту из «Аналога», за то, что он с радостью согласился опубликовать такую чрезвычайно значительную часть романа, как история «Во Славе Блистательной».

Моим помощникам Лэрэйн Мун, Эрин Эбшер и Вилларду и Пегги Кард, которые, каждый по-своему, предоставили мне полную свободу и помощь, так необходимые, чтобы вообще писать.

Моим друзьям, таким как Джефф Альтон и Филип Эшер, которые, прочитав первые страницы романа, помогли мне увериться в том, что подобная каша из характеров и всевозможных мотивов действительно имеет смысл.

И моим детям Джеффри, Эмили и Чарли, безропотно прощавшим мне неуживчивость и раздражительность, которые, кажется, всегда сопровождают мои приступы писательской деятельности, и позволившим мне позаимствовать из своего жизненного опыта некоторые моменты для характеров персонажей, особенно дорогих мне.

Но прежде всего я хочу выразить благодарность моей жене Кристине, которая достойно перенесла все этапы создания книги, задавая вопросы, исправляя ошибки и противоречия и, самое главное, так искренне реагируя на особо удавшиеся места повествования, что это питало мои силы на протяжении всей работы. Абсолютно не представляю, кем бы я был, каким писателем, каким человеком, если бы ее рядом со мной не было... и искренне надеюсь, что мне никогда не придется приобрести такой опыт.

1. РАССТАВАНИЕ

— Сегодня один из братьев обратился ко мне со словами: «Как это, наверное, ужасно — все время быть прикованным к одному месту...»

— И что ты ему ответил?..

— Я сказал, что сейчас располагаю куда большей свободой, нежели он. Неспособность двигаться освобождает меня от обязанности действовать.

— Вы, говорящие на языках, такие лжецы.

Хань Фэй-цзы сидел в позе лотоса на голом деревянном полу у ложа умирающей жены. Он, должно быть, задремал, но ее легкий вздох мгновенно пробудил его — дыхание ее было невесомо, словно ветерок, поднятый взмахом крыльев пролетающей мимо бабочки.

Цзян Цин, по-видимому, уловила момент его пробуждения, ибо, до этого не произнеся ни слова, сейчас заговорила. Голос ее едва звучал, но Хань Фэй-цзы прекрасно слышал жену, так как во всем доме царил полная тишина. Он попросил своих друзей и слуг вести себя как можно тише, пока угасает жизнь Цзян Цин. В ту долгую ночь, которая вот-вот наступит, хватит времени вдоволь нашуметься.

— Все еще жива, — прошептала она.

В последние дни, пробуждаясь, каждый раз она приветствовала его одной и той же фразой. Сначала слова ее казались шутливыми, насмешливыми, но теперь он явственно различил разочарование, скрытое в них. Она молила о смерти не потому, что не любила жизнь, но потому, что смерть была неотвратимой, а неизбежное следует принимать с распростертыми объятиями. В этом заключалась суть Пути. За всю свою жизнь Цзян Цин ни разу не отступилась от канонов учения.

— Стало быть, боги милосердны ко мне, — ответил Хань Фэй-цзы.

— К тебе, — выдохнула она. — О чем ты задумался?

Так она просила его поделиться размышлениями с ней. Когда кто-нибудь другой задавал ему подобный вопрос, у него возникало ощущение, будто за ним следят. Но Цзян Цин спрашивала лишь затем, чтобы подумать о том же; давным-давно их души сблизились, чтобы стать единым целым.

— Я размышлял о природе желания, — сказал Хань Фэй-цзы.

— Чьего желания? — спросила она. — И желания чего?

«Желания исцелить твои кости, вернуть им былую силу, чтобы они не ломались от малейшего прикосновения. Чтобы ты вновь могла вставать, пусть даже просто поднимать руки, и чтобы твои мускулы не крошили кость на мелкие осколки. Чтобы мне не приходилось видеть, как ты медленно угасаешь, ведь сейчас ты весишь всего восемнадцать килограммов. Я не понимал, как все-таки счастливы мы были, до тех пор, пока не познал, что нам недолго суждено оставаться вместе».

— Моего желания, — вслух промолвил он. — Желания тебя.

— «Всегда домогаешься того, чего не имеешь». Кто это сказал?

— Ты, — ответил Хань Фэй-цзы. — Некоторые говорят: «...чего не можешь иметь», другие — «...чего не следует иметь». Я же говорю: «Поистине домогаться можешь лишь того, чего всегда так сильно жаждал».

— Я буду вечно принадлежать тебе.

— Этой ночью ты оставишь меня. Может, завтра днем. Может, на следующей неделе.

— Давай лучше вернемся к природе желания, — уклонилась Цзян Цин.

Как и прежде, она прибегла к философии, чтобы попытаться вывести его из состояния угрюмой меланхолии.

Он сопротивлялся ей, но не всерьез.

— Ты властная правительница, — заметил Хань Фэй-цзы. — Подобно своей духовной прародительнице¹, ты не склонна прощать слабости других.

Цзян Цин была наречена в честь революционной предводительницы древних времен, женщины, которая пыталась показать людям новый Путь, но трусливые соратники предали ее. Это несправедливо, думал Хань Фэй-цзы, что его жена умирает раньше, ведь ее духовная прародительница пережила своего мужа. Кроме того, женам положено жить дольше. Внутренне женщины более целостны. И они умеют жить в своих детях. Им никогда не понять одиночества мужчин.

Но Цзян Цин не позволила ему вернуться к тягостным мыслям.

— Когда жена умирает, о чем больше всего тоскует мужчина?

Хань Фэй-цзы нарочно выбрал самый лживый ответ, какой только мог найти.

— О невозможности возлечь с ней, — сказал он.

— Желание тела, — ответствовала Цзян Цин.

---

¹ Орсон Скотт Кард дает китайским персонажам романа имена известных исторических деятелей Китая. Цзян Цин — жена Мао Цзэдуна, вошла в историю под именем Красной императрицы. После смерти диктатора Мао она и ее приспешники — так называемая «Банда Четырех» — попытались захватить власть в Китае, однако переворот не удался. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Раз она настроилась продолжать разговор, Хань Фэй-цзы решил подыграть ей:

— Желание тела заключается в действии. Оно включает в себя касания, обычные и глубоко сокровенные, плюс все привычные движения. Таким образом, видя уголком глаза какое-либо движение, мужчина думает, что это его почившая жена вышла из дверей, и он не убедится в обратном, пока сам не выйдет из комнаты и не увидит, что ошибся. Далее, он пробуждается ото сна, в котором слышал ее голос, и вдруг понимает, что отвечает ей вслух, словно она находится рядом и слышит его.

— Что еще? — настаивала Цзян Цин.

— Я устал от философии, — проговорил Хань Фэй-цзы. — Может, древние греки и находили в ней успокоение, но только не я.

— Желание духа, — продолжала настаивать Цзян Цин.

— Потому что дух вышел из земли, и именно при помощи его мы творим новое из старого. Муж тоскует по незавершенным делам, которые он и его жена начали незадолго до ее смерти, и по всем невоплощенным мечтам, которые они могли бы осуществить, будь она рядом. Таким образом, мужчина начинает злиться на детей, которые слишком похожи на него и лишь немножко — на жену, ушедшую из жизни. И мужчина ненавидит дом, в котором они жили вместе, потому что, оставь он все как было, дом станет столь же мертв, как и его жена, а реши он изменить его, утратится та часть, которую она вложила в дом при жизни.

— Тебе не следует сердиться на нашу маленькую Цин-чжао, — прошептала Цзян Цин.

— Почему? — спросил Хань Фэй-цзы. — Или тогда ты останешься со мной и поможешь научить ее стать настоящей женщиной? Я могу обучить ее лишь тому, что есть во мне, — холодному спокойствию, жесткости, остроте и силе, присущим обсидиану. И если она вырастет такой, одновременно будучи похожей лицом на тебя, как смогу я обуздать свою злость?

— Ты можешь научить ее всему, что дала бы ей я, — возразила Цзян Цин.

— Будь во мне хоть частичка тебя, — покачал головой Хань Фэй-цзы, — мне бы не потребовалось брать тебя в жены, чтобы стать целостной личностью. — Теперь уже он поддразнивал ее философией, чтобы разговором увести от боли. — Это есть желание души. Потому что душа создана из света и обитает в воздухе, это именно та часть, которая зачинает и сохраняет идеи, в частности идею личности человека. Муж тоскует по целостности, которая получается при слиянии мужа и жены. Следовательно, он не верит ни в одну из собственных мыслей, потому что у него в голове постоянно крутится какой-то вопрос,

ответом на который могли бы стать только мысли его жены. И поэтому весь мир кажется ему канувшим в Лету, он не верит, что может найтись хоть что-нибудь, способное выдержать и сохранить значение перед лицом вопроса, на который больше нет ответа.

— Очень глубоко, — заметила Цзян Цин.

— Будь я японцем, я бы совершил сеппуку, расплескав свои внутренности поверх пепла от твоих останков.

— Получится мокро и грязно, — ответила она.

Он улыбнулся:

— Тогда я предпочел бы стать индусом, чтобы совершить самоожжение на твоём погребальном костре.

Но у нее уже пропала охота шутить.

— Цин-чжао, — шепнула она.

Она напоминала, что для него непозволительна такая роскошь, как умереть вместе с ней. Надо, чтобы кто-нибудь позаботился о маленькой Цин-чжао.

— Как мне воспитать ее, чтобы она стала такой, как ты? — уже серьезно спросил Хань Фэй-цзы.

— Все хорошее во мне, — ответила она, — берет начало в Пути. Если ты научишь ее повиноваться богам, чтить предков, любить людей и служить правителям, меня в ней будет ровно столько, сколько тебя.

— Я мог бы дать ей знание Пути, как его вижу я, — задумчиво проговорил Хань Фэй-цзы.

— Нет, — возразила Цзян Цин. — Путь не есть часть тебя, муж мой. Даже несмотря на то, что боги каждый день разговаривают с тобой, ты все равно настаиваешь на своей вере в мир, где все можно объяснить естественными причинами.

— Я повинуюсь богам, — сказал он, про себя же с горечью подумал, что у него просто нет выбора и даже малейшая отсрочка ритуала — настоящая пытка.

— Но ты не знаешь их. Ты не любишь их творений.

— Суть Пути заключается в том, чтобы любить людей. Богам мы только повинуюемся. — «Да и как я могу любить богов, которые унижают и мучат меня при каждом удобном случае?»

— Мы любим людей, потому что они создания божьи.

— Не стоит поучать меня.

Она вздохнула.

Эта печаль ужалила его, подобно ядовитому пауку.

— О, если бы ты всегда могла поучать меня! — воскликнул Хань Фэй-цзы.

— Ты женился на мне, потому что знал, что я люблю богов и что эта любовь полностью отсутствует в тебе самом. Так я дополняла тебя.

Как он мог спорить с ней, когда знал, что даже сейчас ненавидит богов — за все, что они всегда делали с ним, за все, что они заставляли его делать, за все, что они отняли у него, чего лишили?

— Обещай мне, — промолвила Цзян Цин.

Он понимал, что означают эти слова. Она чувствовала дыхание смерти; она возлагала ношу своей жизни на него. Ношу, которую он с радостью примет. Потерять на Пути Цзян Цин — вот чего он больше всего страшился эти годы.

— Обещай, что ты научишь Цин-чжао любить богов и всегда следовать Пути. Обещай, что ты взрастишь ее моей дочерью, равно как своей.

— Даже если она никогда не услышит гласа богов?

— Путь принадлежит всем, не только тем, с кем общаются боги.

«Может быть, — подумал Хань Фэй-цзы, — но говорящим с богами куда легче следовать Пути, потому что им за каждое нарушение негласных правил приходится платить поистине ужасную цену. Обычные люди свободны; они могут покинуть Путь и не сожалеть о том годами. Говорящему с богами ни на час нельзя оставлять Путь».

— Обещай.

«Да. Обещаю».

Но он не мог заставить себя произнести это вслух. Он даже не знал почему, причины этой неохоты крылись слишком глубоко.

Тишину, в которой она ожидала ответа, нарушил топот маленьких ног, бегущих по гравийной дорожке рядом с домом. Это могла быть только Цин-чжао, вернувшаяся из сада Сунь Цао-пи. Только Цин-чжао позволялось бегать и шуметь в пору всеобщей скорби. Они ждали, понимая, что она направится напрямиком в комнату матери.

Дверь почти бесшумно скользнула в сторону. Даже Цин-чжао в присутствии матери старалась вести себя как можно тише. Но хотя и шла на цыпочках, она не могла удержаться, чтобы не пританцовывать, передвигаясь по комнате легкими прыжками. Однако кидаться с разбегу на шею матери она не стала; она хорошо запомнила прошлый урок, пусть даже огромный синяк на лице Цзян Цин давным-давно рассосался: три месяца назад пылкие объятия Цин-чжао сломали той челюсть.

— Я насчитала целых двадцать три белых карпа в садовом ручье, — похвасталась Цин-чжао.

— Так много? — удивилась Цзян Цин.

— Мне кажется, они нарочно показывались мне, — продолжала Цин-чжао. — Вот я их и сосчитала. Наверное, никто из них не хотел остаться непосчитанным.

— Я люблю тебя, — прошептала Цзян Цин.

К ее еле различимому голосу теперь примешивался какой-то новый, необычный звук, будто при каждом слове, произнесенном ею,

лопался маленький пузырик. Хань Фэй-цзы сразу уловил перемену в ее состоянии.

— Как ты думаешь, я вот столько карпов увидела, это значит, боги начнут разговаривать со мной? — спросила Цин-чжао.

— Я попрошу богов поговорить с тобой, — ответила Цзян Цин.

Внезапно дыхание Цзян Цин участилось, стало резким и прерывистым. Хань Фэй-цзы немедленно встал на колени и наклонился над ней. Глаза ее расширились, в них застыл испуг. Ее час настал.

Губы легонько шевельнулись. «Обещай мне» — понял он, хотя до него не донеслось ни слова, лишь ее судорожные вздохи.

— Я обещаю, — склонил голову Хань Фэй-цзы.

И тут же ее дыхание замерло.

— А о чем с тобой говорят боги? — спросила Цин-чжао.

— Твоя мать очень устала, — сказал Хань Фэй-цзы. — Иди поиграй.

— Но она не ответила мне. Что говорят боги?

— Они открывают нам разные тайны, — сдался Хань Фэй-цзы. — Но никто из тех, кто хоть раз слышал их, не смеет заговорить об этом вслух.

Цин-чжао с важным видом кивнула. Она отступила, будто собираясь уходить, но остановилась:

— Мама, а можно я тебя поцелую?

— Только осторожно, в щечку, — ответил Хань Фэй-цзы.

Цин-чжао, которая в свои четыре года была еще совсем малышкой, даже не пришлось наклоняться, чтобы дотронуться губами до щеки матери.

— Я люблю тебя, мама.

— Тебе лучше уйти, Цин-чжао, — напомнил ей Хань Фэй-цзы.

— Но мама не сказала, что тоже любит меня.

— Она ведь уже не раз говорила тебе об этом. Помнишь? Сейчас она очень устала. Иди, иди, — строгим голосом приказал он.

Цин-чжао без пререканий покинула комнату. Только когда она ушла, Хань Фэй-цзы позволил себе забыть о том, что теперь должен заботиться о ней. Он склонился над телом Цзян Цин и попытался представить, что сейчас с ней происходит. Ее душа улетела и, должно быть, уже на небесах. Ее дух еще задержится на некоторое время; не исключено, что он навсегда поселится в этом доме, если она действительно была счастлива здесь. Суеверные люди считали, что все без исключения духи мертвых опасны, и рисовали всякие знаки, налапали на дома обереги, чтобы отвадить их. Но те, кто следовал Пути, знали, что дух хорошего человека никогда не причинит вреда или разрушения, ибо его доброта в жизни брала начало в любви и созидании. Дух Цзян Цин, если он решит остаться с ними, станет благословением на долгие годы вперед.

Однако пока он пытался представить ее душу и дух в соответствии с учением Пути, где-то в глубине его сердца все равно пряталась уверенность: все, что осталось от Цзян Цин, — вот это хрупкое, иссохшее тело, не более. Сегодня ночью оно вспыхнет и сгорит, подобно клочку бумаги, она исчезнет навеки, и утешением ему послужат лишь воспоминания.

Цзян Цин была права. Теперь, когда она больше не дополняла его душу, он снова начал сомневаться в существовании богов. И боги это сразу заметили — впрочем, как всегда. Он почувствовал неодолимое стремление совершить ритуал очищения и освободиться от неподобающих мыслей. Даже в эту минуту они не хотели забыть о наказании. Даже сейчас, когда жена бездыханная возлежала перед ним, боги требовали, чтобы он выказал почтение им, прежде чем пролил хоть слезинку в знак скорби по ней.

Сначала он хотел отложить ритуал, на некоторое время забыть о нем. Он научился сопротивляться этой тяге и теперь мог продержаться целый день, ни единым жестом не выдав, какую пытку ему приходится сносить. Он мог это сделать, но только в случае, если сердце его станет подобно камню. Сейчас в этом не было никакого смысла. Должное горе он сможет испытать, лишь ублажив богов. Поэтому, стоя на коленях у смертного одра жены, он приступил к ритуалу.

Он все еще изгибался, крутился на месте, когда в комнату заглянула служанка. Хоть она и не произнесла ни слова, Хань Фэй-цзы ощутил легкое скольжение двери за спиной и сразу догадался, что подумает теперь служанка: Цзян Цин отошла в мир иной, а Хань Фэй-цзы настолько праведен в своей вере, что решил поговорить с богами, прежде чем объявить о смерти всему дому. Несомненно, кое-кто даже решит, что сами боги явились, чтобы сопроводить Цзян Цин на небеса, ибо она славилась своей святостью. Вот только никому не придет в голову, что во время молитвы сердце Хань Фэй-цзы было исполнено горечи: даже в эту минуту боги осмелились настаивать на поклонении.

«О боги, — думал он, — если б знать, что, отрубив руку или вырезав печенку, я избавлюсь от вас навсегда, я бы немедля схватил нож и наслаждался болью и страданиями — ради будущей свободы».

Эта мысль была нечестивой и требовала продолжить ритуал очищения. Минули долгие часы, прежде чем боги наконец отпустили его, а к тому времени он был слишком вымотан, слишком измучен сердцем, чтобы горевать. Он поднялся, покинул покои и послал женщину приготовить тело Цзян Цин к кремации.

Ровно в полночь он последним подошел к погребальному костру, неся на руках сонную Цин-чжао. Она сжимала в кулачке три бумажки с детскими каракулями, которые вывела для своей матери. «Рыба» — написала она, «книга» и «тайны». Цин-чжао хотела, чтобы мать унесла с собой на небеса именно это. Хань Фэй-цзы попытался догадаться,

что же было на уме у Цин-чжао, когда она писала записки. «Рыба» — это понятно; это те карпы, которых она видела сегодня в ручье. Про «книгу» тоже легко догадаться, потому что единственное, чем могла Цзян Цин на закате жизни заниматься с дочерью, — это читать ей вслух. Но при чем здесь «тайны»? Какие тайны вверяла Цин-чжао матери? Спросить он не мог. Не должно обсуждать записки, посылаемые мертвым.

Хань Фэй-цзы опустил дремлющую Цин-чжао на землю; она сразу проснулась и огляделась по сторонам, сонно помаргивая. Хань Фэй-цзы шепнул ей что-то, она скатала свои бумажки и сунула в рукав матери. Девочка совсем не испугалась, коснувшись остывшего тела, — она была еще слишком мала, чтобы содрогаться при соприкосновении со смертью.

И Хань Фэй-цзы не вздрогнул, дотронувшись до тела жены; он спокойно поместил три свои записки в другой рукав. Что проку теперь бояться смерти, когда она уже свершила злодеяние?

Никто из присутствующих не знал, что содержалось в этих клочках бумаги, иначе все бы ужаснулись, ибо он написал: «Мое тело», «Мой дух» и «Моя душа». Этим он сжигал себя на погребальном костре Цзян Цин и отправлялся вместе с ней в неведомые дали.

Затем доверенная служанка Цзян Цин Му-пао возложила на священное дерево пылающий факел, и весь костер занялся пламенем. Жар накатиł подобно огненной волне, и Цин-чжао спряталась за спиной отца, то и дело выглядывая, чтобы проводить мать в последнюю дорогу. Хань Фэй-цзы, однако, только приветствовал этот огненный прилив, иссушающий кожу и играющий шелком одеяний. Плоть Цзян Цин была вовсе не так невесома, как казалось; все бумаги давно превратились в пепел и унеслись прочь в столбе дыма, но тело все еще шипело, и тяжелый аромат благовоний, повисший вокруг погребального костра, не мог заглушить запах горящего мяса. «Вот что мы сжигаем здесь: мясо, рыбу, мертвечину, ничто. Только не мою Цзян Цин. Всего-навсего оболочку, которую она носила при жизни. Но то, что превращало это тело в женщину, которую я любил, все еще живо, она жива». И вдруг ему показалось, что он увидел, услышал, каким-то образом ощутил, как мимо него прошла Цзян Цин.

«В воздух, в землю, в огонь. И я с тобой».

2. ВСТРЕЧА

— Человеческие существа — странные создания, и в особенности странно их разделение на две половины — мужскую и женскую. Они находятся в состоянии постоянной войны, но в то же время не могут существовать друг без друга. Похоже, им в голову никогда не приходила мысль, что мужчины и женщины суть

две отдельные расы с абсолютно отличными нуждами и желаниями, вынужденные сходиться только ради продолжения рода.

— Вполне естественно, что ты так считаешь. Твоя мужская половина — не что иное, как лишенные всякого сознания трутни, вытяжки твоей самости, не обладающие ни единым признаком личности.

— Зато мы идеально чувствуем своего партнера. Люди же придумывают себе вымышленный идеал и надевают эту маску на тело, лежащее рядом.

— В этом и заключается трагедия языка, о моя собеседница. Те, кто познает друг друга посредством одних лишь символических образов, вынуждены дополнять партнеров в воображении. А так как их воображение страдает несовершенством, они зачастую ошибаются.

— Вот где источник их невзгод.

— Отсюда же, по-видимому, проистекает их сила. Твой народ, и мой тоже, каждый в силу своих эволюционных причин, имеет дело с абсолютным неравенством партнеров. Наши самцы и самки, к сожалению, всегда стоят ниже нас по уровню умственного развития. Люди же, наоборот, спариваются с созданиями, которые постоянно бросают вызов их превосходству. Основная причина их вечного конфликта кроется не в том, что их средства связи куда более примитивны, нежели наши, а в том, что они вообще общаются друг с другом.

Валентина Виггин еще раз пробежала глазами эссе, внося исправления то здесь, то там. Когда она покончила с этим, набранный текст неподвижно завис в воздухе над терминалом компьютера. Она была довольна собой, так как только что весьма искусно перемыла все косточки Раймусу Оймону, председателю кабинета Межзвездного Конгресса.

— Ну что, завершена очередная атака на властителей Ста Миров?

Валентина даже не обернулась, чтобы взглянуть на мужа; она по голосу точно определила, что отразилось на его лице, и поэтому улыбнулась в ответ. После двадцати пяти лет совместной жизни они научились не глядя угадывать настроение друг друга.

— Я выставила Раймуса Оймана в самом нелепом виде.

Джакт втиснулся в крошечную кабинку, читая зависшие над терминалом абзацы, его лицо приблизилось к ней настолько, что она почувствовала его дыхание. Джакт был уже немолод; опираясь руками о косяк, он навис над Валентиной, и его дыхание сделалось несколько затрудненным. Ей это совсем не понравилось.

Он заговорил, губы его легко защекотали ее щеку, будто покалывая каждым словом:

— Отныне даже родная мать при виде этого несчастного ублюдка будет подхихикивать в ладошку.

— Нелегко было сделать эссе смешным, — призналась Валентина. — Каждый раз я ловила себя на том, что вновь и вновь обвиняю его.

— Так лучше.

— Знаю. Продемонстрируй я гнев, обвини его во всех смертных грехах, я бы только придала ему значимости, сделала бы его таким мрачным гением, и Правительственная Фракция еще больше возлюбила бы его, тогда как трусы на каждой планете еще ниже согнулись бы перед ним.

— Куда уж ниже, им и так скоро придется закупать ковры потоньше, — усмехнулся Джакт.

Она рассмеялась, больше из-за того, что щеку начало покалывать совсем уж нестерпимо. Кроме того, ею постепенно начали овладевать желания, которым в данную минуту не суждено было исполниться. Космический корабль был слишком мал (как-никак на борту находилась вся семья), чтобы отыскать подходящее местечко для уединения.

— Джакт, мы почти на полпути от цели. Нужно немножко потерпеть. Во время ежегодных плаваний за миш-мишем нам приходилось сдерживаться и дольше.

— Почему бы нам не повесить на дверях табличку «Не беспокоить»?

— С тем же успехом ты мог бы написать: «Осторожно, двое голых стариков пытаются вспомнить прошлое».

— Я не старик.

— Тебе уже за шестьдесят.

— Если старый солдат все еще может распрямиться и отдать честь, я разрешу ему участвовать в параде.

— Никаких «парадов» до самого конца полета. Осталось максимум две недели. Мы встретимся с приемным сыном Эндера, а затем возьмем курс обратно на Лузитанию.

Джакт подался назад, напряг руки, вылез из кабинки и выпрямился в полный рост — коридор был одним из немногих уголков на судне, где ему удавалось это. Весь процесс сопровождался громкими стонами.

— Ты скрипишь, как ржавая дверная петля, — заметила Валентина.

— Сама не лучше. Я слышал, как ты охаешь и ахаешь, вылезая из-за своего стола. Так что в этой семье не один я дряхлый, плешивый, жалкий старик.

— Проваливай, мне надо транслировать эссе.

— Я привык к тому, что во время плавания постоянно чем-то занят, — пожаловался Джакт. — А здесь всё делают компьютеры, и никакой тебе качки, хотя бы самого захудалого шторма.

— Почитай книжку.

— Ты начинаешь беспокоить меня. Хорошо работая, Вэл плохо отдыхает и постепенно превращается в злобную старую каргу.

— Каждая минута, что мы тратим здесь на разговоры, равняется восьми с половиной часам реального времени.

— Наше время на этом корабле так же реально, как и время там, за бортом, — усмехнулся Джакт. — Иногда мне хочется, чтобы друзья Эндера, пролагая нам курс, не задумывались, возможна с нами связь или нет.

— Между прочим, это занимает чертову уйму компьютерного времени, — заметила Вэл. — До настоящего времени только военным разрешалось поддерживать связь с кораблями, идущими на скорости, близкой к скорости света. Если друзьям Эндера удалось обеспечить мне связь, я просто обязана воспользоваться ею.

— Ты делаешь это вовсе не потому, что кому-то чем-то обязана.

Справедливое замечание.

— Джакт, если я пишу каждый час по статье, это означает, что до человечества труды Демосфена доходят только раз в три недели.

— Но ты в принципе не можешь выдавать по статье каждый час. Ты спишь, ты ешь.

— Ты говоришь, а я слушаю. Джакт, убирайся.

— Если б я знал, что, спасая планету от уничтожения, должен буду снова стать девственником, никогда бы на такое не согласился.

Он шутил, но в шутке была доля правды. Решение покинуть Трондхейм было нелегким для всей ее семьи, даже для самой Валентины, а ведь скоро она снова увидит Эндера. Дети уже выросли или почти выросли; они отнеслись к полету как к увлекательному приключению. Они не связывали свое будущее с каким-то определенным местом. Ни один из них не стал моряком, как отец; все выбрали научную карьеру и теперь, как их мать, жили беседами и размышлениями. Они могли вести подобный образ жизни где угодно, на любой планете. Джакт гордился ими, но в то же время был чуточку расстроен, что традиция его семьи, вот уже семь поколений связанной с морями Трондхейма, на нем и закончится. А сейчас ради жены ему самому пришлось отказаться от моря. Покинуть Трондхейм для Джакта означало конец всему, и он никогда не думал, что она осмелится просить его об этом, но она обратилась к нему, и он без малейших колебаний согласился.

Может быть, когда-нибудь он вернется, и океаны, айсберги, штормы, рыбы, дорогая сердцу зелень летних лугов будут ждать его. Но команды его не станет, собственно, ее уже не стало. Люди, которых он знал лучше, чем собственных детей, чем собственную жену, — все они уже постарели на пятнадцать лет, а когда он вернется — если вернется вообще, — минет еще сорок лет. На кораблях будут плавать их внуки. Они даже не вспомнят о Джакте. Он будет чужестранным судовладельцем, пришедшим с неба, а не моряком с запахом и желтоватой кровью окрики на руках. Ему никогда больше не стать одним из них.

И когда он жаловался, что жена не обращает на него внимания, когда он подшучивал над тем, что они за весь полет еще ни разу не уединились, в этом крылось нечто большее, нежели просто желание, обуевающее стареющего мужчину. Понимал он, что кроется за его словами, или нет, но она ясно различила истинное значение шуток: «Ради тебя я отказался от столь многого, неужели ты ничего не можешь дать мне взамен?»

И он был прав: она относилась к себе куда более нетерпимо, чем требовала ситуация. Она приносила больше жертв, чем диктовала необходимость, и от мужа требовала того же. Дело было не в том, сколько обличительных статей напишет Демосфен за время полета. Куда важнее было, сколько людей прочтут и поверят написанному им, сколько потом задумаются, начнут говорить и действовать как противники Межзвездного Конгресса. Возможно, наиболее важную роль играла надежда, что кое-кто внутри бюрократической элиты самого Конгресса благодаря этим ее эссе вспомнит о человечности и тем самым внесет раскол в ряды, сводящие с ума своей казенщиной и холодом. Наверняка кое-кто, прочитав труды Демосфена, изменится. Немногие, но, может, и этого будет достаточно. И тогда, возможно, Межзвездному Конгрессу не позволят стереть с лица Вселенной Лузитанию.

Если же нет, то сама Валентина, Джакт и люди, которые стольким пожертвовали, покидая Трондхейм, достигнут Лузитании как раз вовремя, чтобы развернуть корабль и спастись бегством или быть уничтоженными вместе с остальными обитателями планеты. Так что не стоит винить Джакта за попытки проводить с ней чуть больше времени. Это полностью ее вина, это Валентина утвердилась в своем решении каждую свободную минуту отдавать делу пропаганды.

— Значит, так: ты повесишь на двери табличку, а я приду и проверю, не уединился ли ты там с кем-нибудь еще.

— Женщина, ты заставляешь мое сердце биться, подобно подыхающей камбале, — отвечивал Джакт.

— Ты так романтичен, когда начинаешь изъясняться как рыбак, — улыбнулась Валентина. — Вот уж дети посмеются, прознав, что ты не смог продержаться и трех недель, чтобы не подкатить ко мне с неприличным предложением.

— У них наши гены. Даже когда мы разменяем вторую сотню лет, и тогда им придется запереть нас в разных комнатах, чтобы мы вели себя пристойно.

— Я разменяла уже четвертое тысячелетие.

— Когда, о, когда же мне ждать вас в покоях, моя Древнейшая?

— Когда я отправлю статью.

— И сколько времени это займет?

— Немного, если ты наконец уберешься отсюда и оставишь меня в покое.

Глубоко вздохнув, скорее притворно, чем в тоске и отчаянии, Джакт понуро побрел по застеленному ковром коридору. Мгновение спустя в направлении, где скрылся Джакт, что-то загремело, и Валентина услышала, как ее муж громко заорал от боли. Само собой, не в первый раз и специально: в первый день полета он случайно ударился лбом о металлическую балку и с тех пор начал проделывать это смеха ради. Конечно, вслух никто не смеялся. Семейная традиция не позволяла смеяться, когда Джакт откальвает очередную шутку, но Джакт вовсе не относился к числу людей, которым требуется внимание и одобрение окружающих. Он был сам себе зрителем. Ни один мужчина не сможет стать моряком и всю жизнь вести за собой людей, если он не чувствует себя самодостаточным. Насколько Валентина знала, она и дети были единственными людьми, в которых он позволил себе нуждаться.

И все равно даже к семье он был не настолько привязан, чтобы навсегда распрощаться с бурной рыбацкой жизнью. Он отсутствовал дома днями, неделями, а иногда и месяцами. В начале совместной жизни Валентина часто отпраивалась в плавание вместе с ним — в ту пору они и минуты не могли провести друг без друга. Но спустя несколько лет голод любви уступил место терпению и вере; когда он уходил в рейд, она погружалась в исследования и писала книги, а когда он возвращался, посвящала время только ему и детям.

Дети порой жаловались: «Вот бы папа вернулся домой, тогда бы и мама вышла из своей комнаты и поговорила с нами». «Я была не лучшей матерью, — подумала Валентина. — Это чистая случайность, что дети выросли такими хорошими людьми».

Статья зависла над терминалом. Оставался последний штрих. Под текстом, прямо по центру, Валентина поместила курсор и напечатала имя, под которым увидели свет все ее предыдущие работы: Демосфен.

Это имя придумал для нее старший брат Питер, когда они были совсем детьми, пятьдесят лет... нет, три тысячелетия тому назад.

При одной мысли о Питере она напряглась, внутри у нее все похолодело и вместе с тем обдало жаром. Питер, злой, жестокий человек, чей ум был настолько утончен, коварен и опасен, что он манипулировал ею, когда ей было каких-то два годика, а когда ему исполнилось двадцать, он уже управлял всем миром. Когда они были еще детьми и жили на Земле, в двадцать втором веке, Питер изучал философские труды великих людей прошлого и настоящего, и не просто ради того, чтобы овладеть их идеями — это он схватывал на лету, — а чтобы научиться изъясняться так, как они. Проще говоря, научиться выражаться как взрослый. Когда ему наконец удалось это, он обучил тому же

Валентину и заставил ее писать под псевдонимом Демосфен демагогические статейки на политические темы. Сам же принялся за возвышенные мудрые эссе, взяв псевдоним Локк¹. Затем они запускали свои работы в компьютерные сети и таким образом через несколько лет проникли в святая святых политики.

Что больше всего раздражало Валентину в то время, да и по сей день периодически беспокоило ее (так как даже после смерти Питера не вся правда вышла наружу), — так это то, что ее одержимый жаждой власти брат принудил ее творить вещи, которые, по сути, отображали его характер, тогда как сам он писал проникнутые любовью и миром статьи, которые как нельзя лучше соответствовали ее принципам. В те дни имя Демосфен лежало на ней тяжким бременем.

Все, что она публиковала под этим псевдонимом, несло в себе ложь, но даже эта ложь принадлежала не ей, а Питеру. Ложь во лжи.

«Но не теперь. Это не могло продолжаться три тысячи лет. Я сделала это имя своим. Я написала исторические труды и составила биографии, которые оказали влияние на мышление миллионов ученых всех Ста Миров и помогли изменить лицо целых наций. Это тебе не по плечу, Питер. И это не по плечу человеку, которого ты пытался из меня сотворить».

Однако, глядя на только что законченную статью, она понимала, что хоть и избавилась от власти Питера, все равно осталась его ученицей. Всему, что она знала о риторике, полемике — и демагогии в том числе, — она научилась либо у него самого, либо по его настоянию. И несмотря на то что использовала она эти приемы во благо, она тем не менее по-прежнему манипулировала людьми, то есть занималась тем, что так нравилось Питеру.

Питер стал Гегемом и правил человечеством на протяжении шестидесяти лет, в самом начале Великого Исхода. Именно он объединил все противоборствующие группировки и общины, чтобы объединенная сила человечества отправила космические корабли в миры, когда-то принадлежавшие жукерам, и дальше, на освоение новых, более пригодных для жизни планет. К моменту его смерти почти все Сто Миров были уже освоены, а к остальным направлялись суда с колонистами. И прошла еще тысяча лет, прежде чем Межзвездный Конгресс снова объединил расселившееся по Вселенной человечество под централизованной властью, но память о первом истинном Гегеме лежит в основе той истории, которая сделала возможным единство человечества.

---

¹ *Джон Локк* (1632–1704) — британский философ, один из самых значительных деятелей эпохи Просвещения.

Из нравственной пустыни, которую представляла собой душа Питера, пришли гармония, единство и мир. Тогда как наследием Эндера, по мнению человечества, стали убийство, насилие и ксеноцид.

Эндер, младший брат Валентины, человек, на встречу с которым направлялись сейчас она сама и вся ее семья, был мягким, именно его она любила и в детстве пыталась защитить. Он был хорошим. Да, он обладал жестокостью, способной поспорить даже с жестокостью сердца Питера, но ему хватало совести страшиться собственного бессердечия. Она любила Эндера столь же страстно, как ненавидела Питера; и когда Питер фактически изгнал младшего брата с Земли, которой намеревался править и далее, Валентина улетела с Эндером — наконец-то она сумела найти в себе силы выйти из-под власти Питера, довлеющей над нею.

«И вот все начинается сначала, — подумала Валентина, — снова я вернулась в политику».

— Передача, — отрывисто произнесла она нарочито бесстрастным голосом, давая терминалу понять, что это команда к выполнению.

Слово «передача» возникло в воздухе прямо над ее статьей. Обычно, когда она заканчивала какой-либо научный труд, ей нужно было ввести информацию о назначении передачи, переслать статью издателю кружным путем — так, чтобы след не привел к Валентине Виггин. Сейчас, однако, странный дружок Эндера, работающий — сразу понятно — под псевдонимом Джейн, позаботится обо всем за нее; не просто передать сообщение, отправленное с летящего на субсветовой скорости судна так, чтобы его смог расшифровать каждый ансамбль, для которого время течет в пятьсот раз медленнее.

А поскольку связь с космическими кораблями обычно сжирала большую часть времени планетарных ансамблей, таким способом посылали лишь навигационную информацию и неотложные приказы. Только высочайшим чином в правительстве и службе обороны разрешалось передавать пространные сообщения. Валентина никак не могла понять, каким же образом Джейн удастся выделить столько ансамблей на расшифровку статей, умудряясь вместе с тем сохранить в тайне источник провокационных документов. Более того, Джейн находила время, чтобы передавать на корабль опубликованные в компьютерных сетях отклики на работы Валентины, сообщая обо всех опровержениях и уловках, которыми правительство намеревалось препятствовать проникновению пропаганды Демосфена в массы. В общем, кем бы ни была эта самая Джейн (Валентина подозревала, что под этим именем скрывается глубоко законспирированная организация, проникшая в высшие эшелоны правительственной власти), она, безусловно, была очень хороша. И смела до безрассудства. Однако, раз уж Джейн с готовностью подвергалась сама — и подвергала всю организацию — по-

добному риску, Валентина взяла на себя задачу производить на свет как можно больше статей и эссе, настолько сильнодействующих и опасных, насколько это было в ее силах.

«Если слово можно использовать в качестве смертельного оружия, я должна предоставить в их распоряжение весь свой арсенал».

Но вместе с тем она оставалась женщиной, а даже революционерам позволено иметь личную жизнь, не так ли? Мгновения радости, или удовольствия, или, может быть, облегчения, урываемые то здесь то там... Стараясь не обращать внимания на боль в спине после продолжительного сидения на одном месте, Валентина поднялась с кресла и выбралась из крошечного кабинета, бывшего кладовкой до того, как они приспособили судно для своих целей. Валентина немножко стыдилась своей радости, направляясь в каюту, где ждал ее Джакт. Многие великие революционные пропагандисты без труда выдержали бы трехнедельное воздержание. А может, нет? Она усмехнулась, подумав, освещал ли кто-нибудь данный аспект их жизни?

Валентина все еще гадала, с какой стороны исследователь подойдет к столь щепетильному вопросу, когда очутилась около четырехместной каюты, которую они делили с Сифте и ее мужем Ларсом. Ларс вошел в семью буквально за несколько дней до отлета, как только понял, что Сифте не шутит, заявив, что покидает Трондхейм. Не самое приятное ощущение — делить каюту с новобранцами. Входя в комнату, Валентина каждый раз чувствовала себя так, будто непрошеной вторгалась в чужую жизнь. Но выбора не было. Несмотря на то что корабль являлся космической яхтой класса люкс со всеми удобствами, о которых можно было только мечтать, он не предназначался для перевозки такого количества людей. Однако это было единственное судно на орбите Трондхейма, которое более или менее подходило их целям, поэтому они его и взяли.

Их двадцатилетняя дочь Ро и Варсам, шестнадцатилетний сын, разместились в соседней каюте вместе с Пликт, которая, будучи лучшим другом семьи, одновременно выполняла роль их воспитателя. Обслуживающий персонал яхты, решивший отправиться с ними (нельзя же было всех уволить и бросить на Трондхейме), занимал оставшиеся две каюты. Мостик, столовая, камбуз, гостиная, каюты — судно было под завязку заполнено людьми, старающимися сдерживать накапливающееся раздражение и не взрываться по каждому поводу.

В коридоре, впрочем, никого не было видно, и Джакт уже успел пришить к двери записку: «Не беспокоить под страхом смерти». И подпись: «Владелец судна».

Валентина открыла дверь. Джакт опирался о косяк изнутри; от неожиданности Валентина даже тихонько вскрикнула.

— Как приятно узнать, что лишь при виде меня ты кричишь от удовольствия.

СОДЕРЖАНИЕ

КСЕНОЦИД. <i>Перевод А. Жикаренцева</i>	5
ДЕТИ РАЗУМА. <i>Перевод А. Жикаренцева, А. Жемеровой</i>	487

Кард О. С.

К 21 Ксеноцид ; Дети разума : романы / Орсон Скотт Кард ; пер. с англ. А. Жикаренцева, А. Жемеровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 768 с.

ISBN 978-5-389-17881-6

Он — величайший из полководцев космической эры, палач, стерший с лица Вселенной целую цивилизацию, человек, чье имя стало синонимом жестокости на всех обитаемых мирах, — Эндер Ксеноцид.

Он — Эндрю Виггин, Говорящий от имени мертвых, спаситель и миротворец.

Большая игра Эндера близится к своему завершению. Но прежде чем выйти из нее, ему предстоит выдержать еще немало испытаний. Карательный флот стремится уничтожить планету, ставшую домом Эндеру, — мятежную Лузитанию, где пытаются ужиться вместе три разумные расы, а смертельный вирус десколады успешно преодолевает все попытки взять его под контроль. Опасность нависла и над Джейн, давней подругой Эндера, живущей в сети ансблей. А время утекает, как песок сквозь пальцы...

Казалось бы, на столь мрачном фоне остается так мало места надежде на лучшее будущее. Но пока живо разумное начало, дарующее смысл и форму всему во Вселенной, игра будет продолжаться.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ОРСОН СКОТТ КАРД
КСЕНОЦИД
ДЕТИ РАЗУМА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.03.2020. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 61,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

C-MFD-26451-01-R